

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ / SOUTH CAUCASUS

Научная статья/ Research article

Проблемы безопасности на Южном Кавказе в контексте регионального взаимодействия России, Ирана и Турции в постсоветский период

А. К. Дудайти

*ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», Владикавказ, Россия
E:mail: adudaiti@mail.ru*

Аннотация. Настоящее исследование посвящено вопросам регионального взаимодействия России с Ираном и Турцией на Южном Кавказе, выработке ими комплекса мер, направленных на урегулирование межэтнических конфликтов и содействие безопасному развитию региона. Показаны факторы, определяющие конкурентный характер отношений этих стран на Южном Кавказе. Выявлены особенности в их подходе к урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе, показана их позиция в период кавказского кризиса 2008 г. Особое место в работе уделено отношениям указанных стран с Азербайджаном и Арменией. Отмечается, что важную роль в турецко-азербайджанских отношениях играл экономический (энергетический) фактор, а также стремление правящих кругов Турции реализовать идеи пантюркизма в центральноазиатском направлении. В свою очередь, развитие партнерских связей Ирана с Арменией стало ответом на формирование союзнических отношений Азербайджана с Турцией, а также его стремление сблизиться с западными странами и Израилем. Констатируется, что успех внешней политики России, Ирана и Турции на Южном Кавказе во многом определялся конструктивным взаимодействием в регионе. С другой стороны, на их политику на Южном Кавказе влияли внешние факторы, а именно – отношения с США и Евросоюзом. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что Россия, Иран и Турция, исходя из своих национальных интересов, были заинтересованы в мирном урегулировании конфликтов на Южном Кавказе, расширении торгово-экономических связей на двусторонней и многосторонней основе, реализации в регионе трансграничных экономических проектов.

Ключевые слова: Южный Кавказ, конфликты, безопасность, Россия, Иран, Турция, региональное взаимодействие, конкуренция.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–59–56010 от 3.03. 2021 г.

Для цитирования: Дудайти А. К. Проблемы безопасности на Южном Кавказе в контексте регионального взаимодействия России, Ирана и Турции в постсоветский период // Постсоветские исследования. 2022;8(5):771-779.

Problems of security in the South Caucasus in the context of regional interaction between Russia, Iran and Turkey in the post-Soviet period

Albert K. Dudaiti

*North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russia
adudaiti@mail.ru*

Abstract. This study is devoted to the issues of regional cooperation between Russia and Iran and Turkey in the South Caucasus, their development of a set of measures aimed at resolving interethnic conflicts and promoting the safe development of the region. The factors determining the competitive nature of the relations of these countries in the South Caucasus are shown. The peculiarities of their approach to the settlement of the conflict in Nagorno-Karabakh are revealed, their position during the Caucasian crisis of 2008 is shown. A special place in the work is given to

the relations of these countries with Azerbaijan and Armenia. It is noted that an important role in the Turkish-Azerbaijani relations was played by the economic (energy) factor, as well as the desire of the ruling circles of Turkey to implement the ideas of pan-Turkism in the Central Asian direction. In turn, the development of Iran's partnership with Armenia was a response to the formation of Azerbaijan's allied relations with Turkey, as well as its desire to get closer to Western countries and Israel. It is stated that the success of the foreign policy of Russia, Iran and Turkey in the South Caucasus was largely determined by constructive interaction in the region. On the other hand, their policy in the South Caucasus was influenced by external factors, namely, relations with the United States and the European Union. As a result of the conducted research, the author came to the conclusion that Russia, Iran and Turkey, proceeding from their national interests, were interested in the peaceful settlement of conflicts in the South Caucasus, the expansion of trade and economic ties on a bilateral and multilateral basis, the implementation of cross-border economic projects in the region.

Keywords: South Caucasus, conflicts, security, Russia, Iran, Turkey, regional cooperation, competition.

Acknowledgement: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-59-56010 dated 3.03. 2021.

For citation: Albert K. Dudaiti. Security problems in the South Caucasus in the relations of Russia, Iran and Turkey in the region in the Post-Soviet period (the 90s of the XX – the beginning of the XXI century) // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;8(5):771-779. (In Russ.)

Введение. После распада СССР 1991 г. в решение проблем Южного Кавказа – одного из самых беспокойных регионов постсоветского Юга, наряду с традиционными игроками, такими как Россия, США и Евросоюз (с их конкурирующими интеграционными форматами) активно включились региональные «гранды» в лице Турции и Ирана. Южный Кавказ является для них чрезвычайно важным регионом: достаточно вспомнить, что до начала XIX в. отдельные части региона входили в состав Персидской державы и Османской империи. Многие представители народов Южного Кавказа (азербайджанцы, армяне, грузины и др.) имеют в Иране и Турции территории, идентифицируемые ими в качестве этнических (исторических), либо довольно многочисленные диаспоры, оказывающие влияние на политику Тегерана и Анкары. При этом интересы Ирана и Турции в регионе Южного Кавказа тесно соприкасаются с национальными интересами России, что отражается на региональной политике трех стран. В ее основе лежат такие факторы, как озабоченность национальной безопасностью, культурные и исторические связи с кавказскими народами, общее

религиозно-этническое наследие, экономическое значение Южного Кавказа, как важного транспортного коридора и др.

Цель и задачи. Целью настоящего исследования является исследование взаимоотношений России с Ираном и Турцией на Южном Кавказе в контексте проблем безопасности в регионе в постсоветский период. Для достижения этой цели в работе решаются следующие задачи:

– рассмотреть основные направления регионального взаимодействия между Россией, Ираном и Турцией на постсоветском Южном Кавказе стран;

– раскрыть особенности конкурентной борьбы между этими странами за влияние и позиции в регионе;

– выявить факторы, воздействующие на позицию России, Ирана и Турции в Нагорно-Карабахском конфликте, а также в период кавказского кризиса 2008 г.

Историография. В отечественной, а также зарубежной историографии рассматриваются актуальные проблемы международных отношений на Южном Кавказе, в частности, стратегические интересы НАТО в регионе [Forster 2002, Misiągiewicz 2012]; отношения России с Арменией, Азербайджаном и Грузией

[Дудайти 2014]; кавказская стратегия Турции [Aliriza 2008; Babali 1996; Çelikpala 2013; Phillips 2012; Smith 2009.], региональная политика Ирана [Kazemzadeh 2017; Kouhi-Esfahani 2019; Sadegh-Zadeh 2008; Souleimanov 2013; Therme 2011]. Однако в современной историографии недостаточно представлены работы, посвященные региональному взаимодействию России с Ираном и Турцией, их конкурентной борьбе за влияние и позиции в регионе. Между тем, эти вопросы сохраняют свою актуальность: они вызывают дискуссии среди многих ученых, экспертов-аналитиков и нуждаются в научной разработке. Настоящая работа, нацеленная на исследование взаимоотношений России с Ираном и Турцией на Южном Кавказе в постсоветский период, позволяет в определенной степени восполнить этот пробел.

Региональное взаимодействие России с Ираном и Турцией: общие вопросы. После распада СССР в 1991 г. и возникновения на Южном Кавказе молодых постсоветских государств – Азербайджана, Армении и Грузии, стали закладываться основы регионального взаимодействия между Россией, Ираном и Турцией. Постепенно налаживались устойчивые связи между этими странами на Южном Кавказе, хотя воздействие со стороны Запада негативно сказывалось на их подходе к решению сложных региональных проблем [The Turkey 2013: 2–3].

Учитывая интересы национальной безопасности России, в ее руководстве были заинтересованы в мирном и безопасном развитии приграничных с ней южных территориях [Дудайти 2014: 12–13]. Поскольку Южный Кавказ был приграничной зоной России, она стремилась ограничить возможные риски и угрозы своей безопасности – будь то присутствие в этом регионе иностранных вооруженных сил, или же разных террористических групп, способных перейти на российский Северный Кавказ. Основным стратегическим партнером России на Южном Кавказе была Армения, но в Москве стремились также к развитию отношений с Азербайджаном, в том числе, путем оказания посреднических услуг в деле урегулирования Нагорно-

Карабахского конфликта. В то же время, сложными были отношения России с Грузией, взявшей курс на сближение с Западом, интеграцию в структуры НАТО [Дудайти 2014: 154–155].

Важную роль в налаживании двусторонних связей Ирана с государствами Южного Кавказа в самом начале их независимого существования играло тесное взаимодействие с Россией и Турцией в регионе. Но постепенно участие Тегерана в решении региональных проблем стало уменьшаться из-за ведущей роли России в посреднических усилиях, а также осложнения международного положения Ирана из-за его ядерной программы. В этих условиях иранское руководство воздерживалось от критики политики России на Южном Кавказе, старались не оспаривать ее интересы в регионе [Forster 2004: 32].

В рамках регионального взаимодействия на Южном Кавказе Иран уступал лидерство России, чьи позиции усилились после кавказского кризиса 2008 г. В то же время, иранские усилия были сконцентрированы на достижении успеха в борьбе с Турцией за влияние и позиции в регионе. В частности, власти Ирана негативно относились к поддержке Турцией в конфликте в Нагорном Карабахе азербайджанской стороны; в свою очередь, в Баку критиковали Иран за то, что он придерживался проармянской позиции в этом конфликте [Агазаде 2021: 806]. Одновременно Азербайджан продолжал ориентироваться на Турцию, стремился добиться с ней союзнических отношений. Важным шагом в этом направлении стало подписанное между двумя странами в 2010 г. соглашение о стратегическом партнерстве, включающее пункт о взаимной обороне. В это время Азербайджан находился в состоянии ограниченной межконфессиональной конфронтации с Ираном, поддерживающим оппозиционные шиитские группы в республике, противостоящих ее сближению с ведущими западными странами и Израилем [Kouhi-Esfahani 2019: 120–121].

Высокий интерес Турции к Южному Кавказу во многом объяснялся тем, что этот регион представлял собой транзитный коридор в Центральную Азию, куда шли

турецкие товары, а также являлся маршрутом для доставки на Запад энергоресурсов из Каспия. Развивая отношения с Грузией и Азербайджаном, а также содействуя их усилиям по налаживанию тесных связей с Западом, Турция в то же время старалась своими действиями ослабить влияние России на Южном Кавказе, вытеснить ее позиции с региона. При этом большая часть турецких усилий была сосредоточена в энергетической сфере: в частности, в Анкаре оказывали дипломатическую поддержку Азербайджану и Грузии, содействовали созданию емкого рынка для каспийской нефти и газа, транспортируемых в Турцию через азербайджанскую и грузинские территории. В результате постепенно сокращалась зависимость Азербайджана и Грузии от России и наоборот, росло турецкое влияние на эти страны. Важное внимание в региональной политике Турции уделялось проекту создания энергетического транзитного коридора, соединяющего бассейн Каспийского моря, Ближний Восток и Европу. Но этому мешали сложные турецко-армянские отношения, в основе которых лежало отрицание Анкарой Геноцида армян в Османской империи, а также нежелание рассмотреть вопрос о западноармянских землях в Турции.

Позиция Ирана и Турции в период кавказского кризиса 2008 г. В период кавказского кризиса 2008 г. Иран придерживался нейтральной позиции, стараясь не навредить отношениям с Россией и Грузией. С одной стороны, иранские власти негативно относились к стремлению Грузии интегрироваться в структуры НАТО, опасаясь создания форпоста альянса близко к границам Ирана, с другой – выражали беспокойство из-за усиления военного присутствия России в регионе. Из российско-грузинского вооруженного конфликта в Иране могли извлечь выгоду, учитывая дефицит рынков сбыта для иранских энергоресурсов в условиях действия санкций. Между тем, после кавказского кризиса 2008 г. в Тбилиси стали выражать интерес в увеличении объемов импортируемого из Ирана природного газа. [Sadegh-Zadex 2008: 40]. В этой связи

примечателен тот факт, что во время энергетического кризиса в Грузии зимой 2006 г. именно Иран поставлял в Грузию всю необходимую ей электроэнергию. Во время российско-грузинского вооруженного конфликта в Иране возросли опасения, что из-за него возрастет угроза безопасности на Южном Кавказе. Исходя из этого, в Тегеране были готовы предоставить посреднические услуги в его мирном разрешении [Therme 2011: 138–139].

После кавказского кризиса 2008 г. возникла опасность подрыва усилий Турции, направленных на стратегическое сближение с Азербайджаном и Грузией. Во время российско-грузинского вооруженного конфликта в Анкаре вынуждены были лавировать, чтобы избежать осложнения отношений с Россией, являющейся важным торговым партнером Турции, хотя там старались оказать содействие укреплению государственного суверенитета Грузии, предоставив ей услуги для получения доступа к мировым рынкам. В руководстве Турции не были согласны мириться с чрезмерным, на их взгляд, ростом влияния России на Южном Кавказе. Основные турецко-российские разногласия касались вопросов энергоснабжения и маршрутов: Турция поддерживала строительство новой транзитной инфраструктуры на запад от Каспийского моря через территорию Грузии, включая нефтепровод Баку — Тбилиси-Джейхан (БТД) и Южнокавказский газопровод. Кроме того, в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира» турецкие инструкторы обучали военнослужащих Грузии, а фирмы и компании из Турции строили новые военные объекты на грузинской территории [Çelikpala 2005: 188–189].

Между тем, руководство России старалось оказывать давление на Турцию – с тем, чтобы заставить его воздержаться от помощи Грузии. Одновременно было выдвинуто требование о закрытии Черноморских проливов для военных судов США, что полностью соответствовало положениям Конвенции Монтрё от 1936 г. Турецким грузоперевозчикам запрещалось пересекать российскую границу, пока не

будет выполнено указанное выше требование [Aliriza 2008: 2–3]. В период кавказского кризиса 2008 г. высветилась высокая уязвимость Турции от транзита энергоресурсов на Южном Кавказе: так, на турецком участке трубопровода Баку — Тбилиси-Джейхан был совершен теракт, в котором власти Турции обвинили боевиков РПК. С учетом этих факторов наблюдалась заметная активизация турецкой дипломатии. Демонстрируя высокую заинтересованность в «развитии стабильности, доверия и сотрудничества» на Южном Кавказе, в Анкаре предложили создать «Кавказский пакт о стабильности и сотрудничестве» (CSCP) с участием России, Турции и государств Южного Кавказа, и разработать в ее рамках платформу для разрешения проблемы фрагментации региона, а также обеспечения безопасности транзита энергоносителей в Турцию [Erşen 2013: 11–12]. Эта инициатива без энтузиазма была встречена в Москве, так как она ставила своей задачей защитить турецкие «привилегированные интересы» на Южном Кавказе.

Подход России, Ирана и Турции к решению проблемы урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта. После начала вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе Армения пользовалась поддержкой со стороны России, чему в немалой степени способствовала националистическая политика руководства Азербайджана во главе с А. Эльчибеем, последователем идей пантюркизма и представителем турецких интересов на Южном Кавказе [Babalı 1996: 63–64]. Посреднические усилия Москвы привели к урегулированию конфликта по тому сценарию, который устраивал армянскую сторону. В Ереване призвали Россию разместить в зоне конфликта своих миротворцев, но против этого выступило руководство Азербайджана. В результате Россия вместе с США и Францией стала сопредседателем Минской группы ОБСЕ, созданной с целью содействия

урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта.

После завершения вооруженной фазы Нагорно-Карабахского конфликта российско-армянские отношения продолжали укрепляться. Армении были предоставлены гарантии безопасности под эгидой ОДКБ и, кроме того, ее безопасность обеспечивала 102 российская военная база в Гюмри. В условиях азербайджано-турецкой блокады Россия была важнейшим торговым партнером Армении. В сентябре 2013 г. она присоединилась к Евразийскому таможенному союзу, несмотря на отсутствие общих границ со странами-членами этого союза.

Поддерживая союзнические отношения с Арменией, Россия в то же время была обеспокоена сохранением в неурегулированном состоянии проблемы принадлежности Нагорного Карабаха. Из-за нее российско-азербайджанские отношения продолжали ухудшаться и наоборот, усиливалось влияние Турции и западных держав в республике. В этих сложных условиях были активизированы усилия на сохранение за Россией статуса основного посредника в Нагорно-Карабахском урегулировании. Кроме того, когда в 2008–2009 гг. Турция принимала меры для нормализации отношений с Арменией, Россия в ответ расширила связи с Азербайджаном: в частности, были увеличены закупки газа, а также подписаны контракты на поставку военной продукции в эту страну. Тем не менее, курс Азербайджана на сближение с Турцией оставался неизменным. Она снабжалась азербайджанскими энергоресурсами, а 6 ноября 2007 г. между двумя странами был заключен Договор о партнерстве и кооперации¹.

Между тем, азербайджано-турецкое сближение вызывало беспокойство в руководстве Ирана. Оно оказывало поддержку Армении в Нагорно-Карабахском конфликте, поскольку опасалось, что азербайджанские власти могут разжечь

¹ Agreement between the government of the Republic of Azerbaijan and the government of the Republic of Turkey on partnership and cooperation. Baku, 6 of November 2007 // Documents signed between the Republic of

Turkey and Republic of Azerbaijan / Republic of Azerbaijan Ministry of foreign affairs. URL: <http://www.mfa.gov.az/content/352>. (accessed 10.08.2022).

сепаратизм в Иранском Азербайджане. В условиях блокады Армении территория Ирана стала важным коридором для выхода республики во внешний мир. В 2007 г. был открыт нефтепровод из Ирана в Армению, что смягчало последствия блокады для экономики Армении [Kazemzadeh 2017: 9–10]. В этих условиях азербайджанцы, состоящие в этническом родстве с турками, но исповедующие шиитский ислам, оказались на перекрестке турецкого и иранского подходов к политике на Южном Кавказе. Напряженность в регионе усугублялась вследствие стремления Азербайджана наладить связи с Западом и Израилем, прежде всего, в области безопасности. Все это вызывало недовольство в Тегеране: там считали, что превращение светского Азербайджана в прозападный форпост приведет к созданию на ее территории плацдарма для военных операций против Ирана. По этой причине руководство Ирана подвергло в 2011 г. критику власти Турции за намерение разместить радары противоракетной обороны НАТО на востоке страны [Ауман 2014: 20–21].

С целью ослабления позиций прозападного руководства Азербайджана из Ирана продвигалась шиитская идеология в эту республику, финансировались проповедники, поддерживались оппозиционные властям группы. Между тем, нестабильная ситуация в Азербайджане противоречила интересам Турции, хотя ее власти успокаивал растущий статус Азербайджана в качестве энергетического центра Южного Кавказа. Что же касается Ирана, то реакция его руководства на нестабильность в Азербайджане зависела от того, каков характер оппозиции в Азербайджане. Но основной его интерес заключался в том, чтобы не допустить распространения националистических идей в северо-западных территориях Ирана,

населенных этническими азербайджанцами [Souleimanov 2013: 78–79].

Как и в случае с Ираном, региональная политика Турции находилась под воздействием целого ряда факторов. Прежде всего, в период вооруженной фазы конфликта Азербайджана с Арменией из-за Нагорного Карабаха власти Турции опасались вовлечения своей страны в конфронтацию с Россией. В то же время, они оказались под мощным общественным давлением: население требовало выступить в поддержку азербайджанских собратьев в конфликте с армянами. Весной 1993 г., после отказа армянских вооруженных формирований выйти из Кельбаджарского района Азербайджана, Турция закрыла границу с Арменией, а затем выступала в качестве союзника Азербайджана. Турецкие инструктора обучали его военнослужащих, азербайджанская армия снабжалась вооружением и обмундированием из Турции. Сотрудничеству в этом направлении был придан дополнительный импульс после подписания 13 апреля 2004 г. Договора о об экономической и военной кооперации между двумя странами¹.

Несмотря на зависимость экономики Турции от импорта энергоносителей, ее руководство стремилось использовать географическое положение страны, а также контроль над трубопроводами контроль в качестве рычага давления на ЕС, обеспечения выхода азербайджанских энергоносителей на европейские рынки. В 2012 г. энергетические компании Turkish Petroleum Corporation (ТРАО) и Petroleum Pipeline Corporation (BOTAŞ) подписали соглашение с Государственной нефтяной компанией Азербайджана (SOCAR), предусматривающее строительство Трансанатолийского газопровода (TANAP) из газового месторождения Шах-Дениз в Каспийском море, в качестве основы для планируемого Южного газового коридора Евросоюза². Эти трубопроводы, которые

¹ Agreement between the government of the Republic of Azerbaijan and the government of the Republic of Turkey on long-term economic and military cooperation. Ankara, 13 of April 2004 // Documents signed between the Republic of Turkey and Republic of Azerbaijan / Republic

of Azerbaijan Ministry of foreign affairs. URL: <http://www.mfa.gov.az/content/352> (accessed 11.08.2022).

² Turkish Petroleum Corporation (ТРАО) and the State Oil Company of the Azerbaijan Republic (SOCAR) could

Турция также стремилась провести через Каспий в Среднюю Азию, стали серьезным источником напряженных отношений с Россией, стремящейся сохранить доминирующее положение на европейских энергетических рынках, а также с Ираном. С другой стороны, они заложили основу для сотрудничества в сфере безопасности между Турцией, Грузией и Азербайджаном [Misiągiewicz 2012: 73–74].

Кавказский кризис 2008 г., продемонстрировавший высокие риски для региональной безопасности на Южном Кавказе, побудил Турцию принять меры для нормализации отношений с Арменией. Открытие турецко-армянской границы должно было оказать содействие стремлению Турции стать главным энергетическим узлом Европы. В частности, облегчался транзит между Турцией и Каспийским морем и уменьшалась зависимость от уязвимых путей сообщения, проходящих через территорию Грузии. В октябре 2009 г. лидеры Турции и Армении подписали протоколы о нормализации отношений и открытии границы [Phillips 2012: 59–62; Smith 2009: 1–4]. Но затем их дипломатические контакты зашли в тупик

из-за возражений руководства Азербайджана, считавшего, что они помешают возвращению Нагорного Карабаха.

Выводы. Региональное взаимодействие между Россией, Ираном и Турцией на Южном Кавказе в значительной степени определялось динамикой развития двусторонних отношений, с воздействием на них внешних факторов. Все это усиливало их заинтересованность в мирном урегулировании конфликтов в регионе, развитии экономических связей, реализации здесь трансграничных проектов. Но следовало учесть наличие серьезных внешних сил, вынашивающих планы дестабилизации международной обстановки на Южном Кавказе, включая агрессию против Ирана. В этих условиях возрастала актуальность регионального взаимодействия между Россией, Ираном и Турцией: попытки исключить кого-либо из них в поиске баланса сил на Южном Кавказе могло скомпрометировать возможные конструктивные решения, касающиеся безопасного, стабильного и мирного развития региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Aghazade M.M.* Азербайджано-иранские отношения: основные направления и особенности в 1991–2019 гг. (историографический обзор) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. Р. 803–821.
- Дудайтми А.К.* Вместе с Россией: проблемы формирования, эволюции и современное состояние российской государственности на Северном Кавказе // Проблемы всеобщей истории и политологии: сборник научных трудов. Владикавказ: СОИГСИ, 2014. С. 12–30.
- Дудайтми А.К.* Возможно ли будущее Кавказа в Евразийском союзе? // Проблемы всеобщей истории и политологии: сборник научных трудов. Владикавказ, 2014. С. 152–162.
- Forster P.* The paradox of policy: American interests in the post-9/11 Caucasus // Security Sector Governance in Southern Caucasus – Challenges and Visions. Study Groups Regional Stability in Southern Caucasus Security Sector Reform. 2004. С. 12–33.
- Aliriza B.* Turkey and the Crisis in the Caucasus // CSIS Commentary. 2008. Vol. 9. P. 1–3.
- Ayman S.G.* Turkey and Iran: Between friendly competition and fierce rivalry // Arab Studies Quarterly. 2014. Vol. 36. № 1. P. 6–26.
- Babali T.* Turkey's foreign policy towards the Transcaucasia after the end of the Cold War (1991–1995). London: School of Oriental & African Studies University of London, 1996. 49 p.
- Çelikpala M.* From a Failed State to a Weak State? Georgia and Turkish-Georgian Relations // Turkish Yearbook of International Relations. 2005. № 36. P. 159–199.

work together in field development and production of Turkey's giant gas discovery in the Black Sea // Daily Sabah. URL: <https://globuc.com/news/socar-signals->

potential-cooperation-with-tpao-in-black-sea (accessed 12.08.2022).

- Erşen E.* Turkey as a “Regional Stability Contributor” in the South Caucasus // *Orta Asya ve Kafkasya Araştırmaları*. 2013. №. 15. P. 1–19.
- Kazemzadeh H. Kazemzadeh H., Zabanova Y., Weiss A., Jijelava D.* Iran and the South Caucasus After the Nuclear Deal // *Caucasus Analytical Digest (CAD)*. 2017. Vol. 92. 19 p.
- Kouhi-Esfahani M.* Iran’s Foreign Policy in the South Caucasus: Relations with Azerbaijan and Armenia. London: Routledge, 2019. 318 p.
- Misiągiiewicz J.* Geopolitics and energy security in the Caspian region // *TEKA Komisji Politologii i Stosunków Międzynarodowych*. 2012. Vol. 7. P. 61–79.
- Phillips D.L.* Diplomatic History: The Turkey-Armenia Protocols. New York: Institute for the Study of Human Rights. Columbia University. 2012. 139 p.
- Sadegh-Zadeh K.* Iran’s strategy in the South Caucasus // *Caucasian Review of International Affairs*. 2008. Bd. 2. № 1. P. 35–41.
- Smith R.* The Politics of Genocide and the Turkey-Armenia Protocols // *Zoryan Institute Website*. 2009. Vol. 21. P. 1–4.
- Souleimanov E., Pikal K., Kraus J.* The Rise of Nationalism Among Iranian Azerbaijanis: A Step Toward Iran's Disintegration? // *Middle East Review of International Affairs (Online)*. 2013. Vol. 17. №. 1. P. 71–91.
- The Turkey, Russia, Iran Nexus: Evolving Power Dynamics in the Middle East, the Caucasus, and Central Asia / S. Brannen (ed.)*. London: Strategic International Studies, 2013. 48 p.
- Therme C.* Iranian Foreign Policy towards the South Caucasus: Between Revolutionary Ideals and Realpolitik // *Reassessing Security in the South Caucasus: Regional Conflicts and Transformation*. 2011. P. 137–154.

REFERENCES

- Agazade M.M.* Azerbaidzhano-iranskie otnosheniya: osnovnye napravleniya i osobennosti v 1991–2019 gg. (istoriograficheskiy obzor) // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 21. № 4. P. 803–821.
- Dudaiti A.K.* Vmeste s Rossiei: problemy formirovaniya, evolyutsii i sovremennoe sostoyanie rossiiskoi gosudarstvennosti na Severnom Kavkaze // *Problemy vseobshchei istorii i politologii: sbornik nauchnykh trudov*. Vladikavkaz, 2014. S. 12–30.
- Dudaiti A.K.* Vozmozhno li budushchee Kavkaza v Evraziiskom soyuze? // *Problemy vseobshchei istorii i politologii: sbornik nauchnykh trudov*. Vladikavkaz: SOIGSI, 2014. S. 152–162.
- Forster P.* The paradox of policy: American interests in the post-9/11 Caucasus // *Security Sector Governance in Southern Caucasus – Challenges and Visions*. Study Groups Regional Stability in Southern Caucasus Security Sector Reform. 2004. S. 12–33.
- Aliriza B.* Turkey and the Crisis in the Caucasus // *CSIS Commentary*. 2008. Vol. 9. P. 1–3.
- Ayman S.G.* Turkey and Iran: Between friendly competition and fierce rivalry // *Arab Studies Quarterly*. 2014. Vol. 36. №. 1. P. 6–26.
- Babali T.* Turkey's foreign policy towards the Transcaucasia after the end of the Cold War (1991–1995). London: School of Oriental & African Studies University of London, 1996. 49 p.
- Çelikkpala M.* From a Failed State to a Weak State? Georgia and Turkish-Georgian Relations // *Turkish Yearbook of International Relations*. 2005. № 36. P. 159–199.
- Erşen E.* Turkey as a “Regional Stability Contributor” in the South Caucasus // *Orta Asya ve Kafkasya Araştırmaları*. 2013. №. 15. P. 1–19.
- Kazemzadeh H. Kazemzadeh H., Zabanova Y., Weiss A., Jijelava D.* Iran and the South Caucasus After the Nuclear Deal // *Caucasus Analytical Digest (CAD)*. 2017. Vol. 92. 19 p.
- Kouhi-Esfahani M.* Iran’s Foreign Policy in the South Caucasus: Relations with Azerbaijan and Armenia. London: Routledge, 2019. 318 p.
- Misiągiiewicz J.* Geopolitics and energy security in the Caspian region // *TEKA Komisji Politologii i Stosunków Międzynarodowych*. 2012. Vol. 7. P. 61–79.
- Phillips D.L.* Diplomatic History: The Turkey-Armenia Protocols. New York: Institute for the Study of Human Rights. Columbia University. 2012. 139 p.

- Sadegh-Zadeh K.* Iran's strategy in the South Caucasus // *Caucasian Review of International Affairs*. 2008. Bd. 2. № 1. P. 35–41.
- Smith R.* The Politics of Genocide and the Turkey-Armenia Protocols // *Zoryan Institute Website*. 2009. Vol. 21. P. 1–4.
- Souleimanov E., Pikal K., Kraus J.* The Rise of Nationalism Among Iranian Azerbaijanis: A Step Toward Iran's Disintegration? // *Middle East Review of International Affairs (Online)*. 2013. Vol. 17. №. 1. P. 71–91.
- The Turkey, Russia, Iran Nexus: Evolving Power Dynamics in the Middle East, the Caucasus, and Central Asia* / S. Brannen (ed.). London: Strategic International Studies, 2013. 48 p.
- Therme C.* Iranian Foreign Policy towards the South Caucasus: Between Revolutionary Ideals and Realpolitik // *Reassessing Security in the South Caucasus: Regional Conflicts and Transformation*. 2011. P. 137–154.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дудайти Альберт Константинович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Всеобщей истории ФБГОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», E-mail: adudaiti@mail.ru	Albert K. Dudaiti – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History of the North Ossetian State University, E-mail: adudaiti@mail.ru
---	---